

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Смирнов Д.Г. (Россия)

Аннотация: В статье анализируется феномен глобализации сознания в контексте парадигмы «восхождения к Разуму» Н. Н. Моисеева, раскрывается его сущность в рамках процесса перехода биосферы в ноосферу. Через призму теории катастроф и концепции ноосферогенеза анализируются революции в истории становления человека и человечества. Авторская позиция раскрывается посредством компаративистского анализа техносферной рациональности и ноосферной рациональности.

Ключевые слова: коллективный разум; глобальное сознание; глобальный катастрофизм; ноосферная рациональность; ноосферогенез; глобализация сознания

Smirnov D.G. (Russia). GLOBALIZATION OF CONSCIOUSNESS THROUGH THE PRISM OF UNIVERSAL EVOLUTIONISM

Annotation: The article analyzes the phenomenon of consciousness globalization in the context of N. N. Moiseev's paradigm of the «Mind ascent». Its essence is examined within the biosphere into noosphere transition process. Revolutions in the history of a man and mankind are analyzed through the prism of the catastrophes theory and the theory of noospheregenesis. The author's position is revealed through a comparative analysis of the technospheric rationality and noospheric rationality.

Keywords: collective intelligence; global consciousness; global catastrophism; noospheregenesis; noospheric rationality; globalization of consciousness

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

Н. Н. Моисеев рассматривал XX век как вызов, «вызов не только истории, но и всему процессу становления homo sapiens, пути антропогенеза», который он метафорически именовал «восхождением к Разуму» [6; 7, с. 7] – Коллективному, или Общечеловеческому. Этот тезис усиливается в последнее время представлением о ноосферогенезе, как движении к ноосфере, где «итогом становится информационное производство, на базе которого появляется возможность творческой самореализации каждого посредством негэнтропийной деятельности» [4, с. 73]. «Краеугольность» информационной составляющей фиксируется и Н. Н. Моисеевым: он мыслит путь антропогенеза как движение к информационному обществу, когда Коллективный Разум «обретает» способность преодолевать трудности, с которыми сталкивается социум, обеспечивая его гомеостаз и сохраняя его целостность вместе с биосферой [7, с. 89–90].

Как «достаточно традиционное понятие» Коллективный (Мировой, Общечеловеческий) Разум (Интеллект) – это, по Н. Н. Моисееву, «система, объединяющая людей информационными связями...» [7, с. 89]. Вместе с тем он оговаривается, что универсального мировоззрения не существует, а «правильное мировоззрение» – это лингвистический и философский нонсенс [7, с. 18]. Здесь необходимость общих универсалий требует «появления» некоего универсального феномена, коим и становится, как нам представляется, Коллективный Разум.

Собственно философский стиль мышления требует аккуратного обращения с понятиями. В этой связи категория «Разум» представляется несколько размытой в содержательном отношении. (У Н. Н. Моисеева она выполняет роль метафоры, обнаруживая себя на страницах его работ в виде «ВЕЛИКОГО СУЩЕСТВА» [7, с. 88].) В некоторых случаях он фактически отождествляет понятия «разум» и «интеллект»; то же можно констатировать и в отношении терминов «коллективный», «общечеловеческий», «мировой» [см., напр.: 7, с. 86–90], которые сочетаются всевозможными способами. Вместе с тем, думается, что уровень общенаучной рефлексии Н. Н. Моисеева, не помещаясь в рамках строго определенной сциентистской области знания и, тем самым, претендуя на

философский статус, допускает использования таких метафор без ущерба для понимания смысла его концепции.

Далее мы постараемся показать комплементарность парадигмы «восхождения к Коллективному Разуму» и концепции глобализации сознания, сознавая при этом дискуссионность рядоположения Разума и сознания. (В методологическом плане обращение к термину «разум» представляется максимально удобным, ибо подразумевает «симультанный отсыл» к сознательному, бессознательному, подсознательному, сверхсознательному, интуитивному и т. п., в то время как термин «сознание» имплицитно «заужает» парадигмальный размах сферой сознательного. Вместе с тем, широкий смысл феномена сознания показывает, что моменты «не-сознательного» доступны наблюдению преимущественно через анализ сознания, тем более, что речь идет коллективных его формах.)

Антропогенез: ретроспектива катастроф

Антропогенез по Н. Н. Моисееву оказывается фундаментальным процессом разворачивания сознания (в широком смысле этого термина) во времени и пространстве, что на языке современной глобалистики вполне уместно назвать глобализацией сознания. Подобное «восхождение к Разуму» [6] имеет своей отправной точкой «вторжение разума в стихию самоорганизации» [7, с. 7], сначала разума маленького, затем Разума большого и, в конце концов, РАЗУМА громадного.

Природа этого процесса принципиально катастрофична. Внешне она проявляет себя соответствующим образом – через катастрофы на больших интервалах времени. Каждая катастрофа (вне зависимости от причины) в результате определенной активности человеческого разума по-новому выстраивает систему дальнейшего развития: отбирает новое системообразующее свойство или системообразующее отношение, которые, в свою очередь, трансформируют материальный и духовный субстрат «большой истории».

Здесь позволим себе «философское» эмпирическое обобщение, имеющее своим предметом концепцию универсального эволюционизма по Н. Н. Моисееву, несколько отличающееся от наших предшествующих размышлений [13, с. 109–110]. Первые три катастрофы, точнее точки бифуркации, о которых он ведет речь, – «катастрофа выселения», «обретение начал нравственности», «неолитическая революция» – с точки зрения системного подхода могут быть представлены как «катастрофа субстрата» (сохранившая, тем не менее, австралопитеков животными), «катастрофа структуры» (или «революция отношений», ставшая решающим фактором превращения животных в людей) и «катастрофа концепта» (первая «собственно человеческая» катастрофа, создавшая новую экологическую нишу).

Н. Н. Моисеев пишет, что названные катастрофы предполагали «качественное изменение характера эволюции биосферы» [7, с. 37]. Вместе с тем, неолитическую – катастрофу-революцию можно условно обозначить как техносферную, ибо «новая перестройка имела "техногенный характер"» [7, с. 34], то есть имела отношение к развитию искусственных орудий, а не только к эволюции, используя терминологию В. И. Вернадского, живого разумного вещества. Она оказалась последней в биогенном цикле эволюции и, одновременно, первой в его антропогенном «продолжении».

Такая «объективная» катастрофичность не могла не отразиться на человеческой субъективности: она задала соответствующий тренд развитию сознания. Каждая катастрофа меняла «сознание живого разумного вещества планеты». Не случайно, думается, Н. Н. Моисеев подчеркивает, что «у человека голоцена был уже другой менталитет» [7, с. 39], связывая это не столько с совершенствованием мозга, сколько с экспоненциальным развитием Коллективного Интеллекта [Там же]. Очевидно, автор не случайно так часто апеллирует к Марксу: объективная катастрофичность имеет много общего с марксовым представлением о том, что «бытие определяет сознание». Однако очередной глобальный кризис, свидетелем которого становится человечество,

изменяет этот постулат в содержательном плане, дополняя его «теневой стороной», где «сознание определяет бытие».

«Новый глобальный кризис» оказывается результатом ряда несоответствий [7, с. 44], которые могут быть, с нашей точки зрения, сведены к одному главному – несоответствию сознания своему предмету, что метафорически может быть выражено моисеевской формулой «Логика Природы versus Стратегия Общества». Метафора «восхождение к Разуму» отсылает к проекции «дорастания сознания» до соответствия изменившейся масштабности мира, что как раз и объясняет все более возрастающее вторжением Разума в самоорганизационные процессы планеты и космоса. Таким образом, очередной глобальный кризис неразрывно связан с феноменом глобализации сознания.

Новый глобальный кризис и глобализация сознания

Новый глобальный кризис необходимо завершится катастрофой – таков лейтмотив размышлений Н. Н. Моисеева. Эта грядущая катастрофа предполагает «создание новой схемы взаимоотношения Человека и Природы», что неизбежно связано с новым пониманием реальности [5, с. 97], то есть с изменением сознания. Перестройка сознания отнюдь не представляет собой революции [9], которая сметает все на своем пути, как, например, это намеревался сделать в свое время постмодернизм, объявивший несостоятельным (отжившим свое) все то, что было значимым «до него». Она предполагает, как мы уже говорили выше, обнаружение и «взятие на вооружение» нового концепта (новой цели, идеи), который отбирает под себя системные отношения, необходимые для достижения цели, а последние, в свою очередь, «верифицируют» и «фальсифицируют» элементы системы на предмет их релевантности (оптимальности) для получения искомого результата.

Тезис о том, что глобальное сознание есть следствие глобализации, широко распространенный в «обыденном научном сознания», представляет собой пример своеобразного исследовательского редуционизма. Например,

Л. Д. Рассказов постулирует, что раз «человечество стало глобальным, соответственно, и сознание также приобрело планетарный характер» [8, с. 148], при этом, подчеркивая в марксистском духе, что «сознание вторично, глобализация первична» [Там же]. Заметим, что в исследовательской литературе встречается и диаметрально противоположная позиция: например, Ф. Х. Юлдашева связывает глобализацию с «потерей» сознания [15, с. 117]. Гораздо более продуктивным и эвристичным в методологическом плане следует признать положение, согласно которому «сознание ... в период глобализации проявляет имманентные ему свойства» [8, с. 145], что, в сущности, в самом общем ключе и раскрывает природу глобализации сознания.

Глобализация сознания в современной научной литературе мыслится преимущественно в неомарксистском ключе [1]. Так, Н. Ахмади представляет ее как результат «глобализации материальной базы человеческого опыта» [2, с. 45]. Такая постановка проблемы не привязывает, как это может показаться на первый взгляд, глобальное сознание к эпохе глобализации, на что косвенно указывает используемый автором термин «новое глобальное сознание» [2, с. 46]. Вместе с тем, исследователь полагает, что «процессы глобализации сознания ... находятся еще в стадии становления» [2, с. 47]. Комплементарна этим размышлениям точка зрения Н. Я. Веретенникова, который связывает начавшийся в древности процесс глобализации сознания «с переселением народов в поисках средств существования, расширением межгосударственных контактов» [3, с. 14].

Как показывает Н. Ахмади, детерминантой глобального сознания становится «идея достижимости всего» [2, с. 45], порожденная постмодернистской модернизацией и индустриализацией. В качестве основных последствий такой жизнедеятельностной парадигмы автор рассматривает «глобализацию жизненных идеалов» и «глобализацию социальных проблем», которая и является собственно предметом исследовательского интереса автора. Общий вывод Н. Ахмади постулирует, что «глобализация сознания способна вести к новой глобальной и постмодерной идентичности, уходящей корнями в

несколько различных, равно "нормальных" стилей жизни» [2, с. 52]. В своей интенции идея о новой глобальной идентичности, без отсыла к разорванности сознания, характерной для постмодерна, оказывается комплементарна представлениям о ноосферной идентичности [14].

Наша позиция в отношении природы глобализации сознания несколько отличается от представленных выше. Рассмотрение данного феномена из пространства гуманитарного (а не общественного) знания задается формулой «философия как образ глобального сознания» [11]. Детерминантой глобализации сознания (как и собственно глобального сознания), как нам представляется, оказывается идея автотрофности [10], наиболее адекватно «отражающая» («опережающее-отражающая») *предстоящие* изменения в материальных условиях жизнедеятельности цивилизованного человечества.

Глобализация сознания в инвайронментальном (моисеевском) ключе предстает как обоюдно направленный процесс, в котором среда формирует разум (сознание), а разум (сознание), в свою очередь, формирует среду. Виртуально это положение можно представить в виде «ленты Мёбиуса»: две «онтологии» перетекают друг в друга, но не пересекаются. Катастрофа знаменует собой как раз смену «онтологии», смену одной онтологической доминации на «противопоставленную». Философская метафора ленты Мёбиуса отсылает к бесконечной процедуре «переворачивания с ног на голову». Так, анализируемый процесс предстает следующим образом: увеличивающаяся масштабность мира задает соответствующую масштабность сознания; по-новому масштабированное сознание «понимает», что мир еще более масштабен, нежели представляется, и процесс повторяется. Переводя философские размышления в плоскость обыденности, следует подчеркнуть, что сознание не способно глобализировать само себя, ему нужен «визави», который «оттеняет» глобальность/локальность. Помимо этого, следует признать, что в предлагаемой схеме период, связанный с формированием среды, кроме прочего, выступает как способ рефлексии над результатом всей предшествующей деятельности. Иными словами он выполняет компенсаторную функцию в рамках глобального исторического процесса, то есть

он допускает (требует) внесения корректив в среду в соответствие с изменившимся сознанием. Выводы Н. Ахмади в этом контексте не учитывают как раз этот компенсаторный момент: раз глобализация первична, а сознание вторично, то последнее выступает, скорее, в роли статиста, нежели действующего лица, или героя истории.

Глобализация сознания: аксио-праксиологический срез

Думается, что процесс глобализации сознания, начавшись задолго до появления современного человека, но актуализировавшись после антропогенной, или, в крайнем случае, техногенной (техносферной), катастрофы, идет в унисон с логикой становления рационального общества, то есть «идущего в эпоху ноосферы», «к состоянию коэволюции человека и Природы» [7, с. 188]. Иными словами, формирование антропосферы и последующее возникновение на ее субстрате техносферы (или же можно сказать культуросферы в целом) создали предпосылки для становления «рационального общества». Вместе с тем эта самая «рациональность», как показала история Нового и Новейшего времени, и особенно XX века, раскрывается в диалектической дополнительности «рациональности техносферной» и «рациональности ноосферной».

Несколько упрощая реальное положение дел, позволим себе рассмотреть указанную контрверзу в пространстве бинарных оппозиций. Техносферную рациональность (сознание) определяет частная собственность в ее глубинном понимании, которое может быть выражено метафорой «локальная собственность». Ноосферная рациональность (сознание) оперирует общественной собственностью как собственностью глобальной, то есть «принадлежащей всем». Следующий шаг приводит нас к интуитивной ассоциации техносферного с локальным, а ноосферного с глобальным. Что, в свою очередь, провоцирует формулировку тезиса о локальном сознании и глобальном сознании. В качестве гипотезы сформулируем еще более спорное положение: если техносферность заточена на рациональность, то ноосферность ориентирована на

информационность. Однако рациональность и информационность следует трактовать в моисеевском смысле, не сводя одно к другому: не случайно, наверное, он неоднократно подчеркивает принципиальную будущность ноосферы как состояния биосферы [см. напр.: 7, с. 80, 90, 184] и информационного общества как планетарном обществе в целом [7, с. 84, 86–87], признавая при этом наличие общества рационального [7, с. 184, 188]. Тонкая, но все же имеющаяся грань между этими на первый взгляд синонимичными понятиями, становится хорошо понятна, если обратиться к размышлениям Н. Н. Моисеева о различиях между менеджером и кормчим.

Для прояснения позиции мыслителя значимым представляется разведение им понятий «искусственный интеллект» и «коллективный интеллект». (Последнее, кстати, он методично пишет с прописной буквы, причем оба слова.) Напомним, что для Н. Н. Моисеева искусственный интеллект представляет собой техническую систему, которую он помещает между собой и техносферой (информационными системами), в то время как коллективный разум (используем именно это словосочетание для усиления эффекта различения) – это «природное явление, результат сложного эволюционного процесса человека и общества» [7, с. 87]. Очевидно, что для техносферной рациональности, в первую очередь, характерна ставка на искусственный интеллект, а вот для ноосферной информационности свойственна ориентация на Коллективный Разум. В этом смысле искусственный интеллект, предполагая работу с информацией (информационными потоками в техносфере), не допускает обмена информацией с целью получения нового знания, без которого развитие общества невозможно.

Корни такой ситуации можно усмотреть в генетическом соотношении индивидуального разума и Коллективного Разума: возникая одновременно, «они развиваются параллельно» [Там же]. Однако динамика последнего значительно опережала прежде и опережает сейчас развитие индивидуального разума, что сказывается на роли этих «разумов» в судьбах сообществ: значение Коллективного Разума все более и более возрастает, особенно в современных катастрофических условиях.

Таким образом, глобализация сознания знаменует собой смену доминанции в онтологии: период подстраивания сознания под бытие сменяется эпохой подстраивания бытия под сознание. Может быть это и есть ноосферная революция (катастрофа) – результат нового глобального кризиса, свидетелем которого стал Н. Н. Моисеев, где отбор инвариантов развития «приобретает определенную направленность» [7, с. 134]. Техносферная революция, упоминавшаяся выше, «выбрала» (супер)гетеротрофный концепт, реализация которого в глобальном масштабе привела цивилизацию к точке невозврата. Ноосферно-информационная парадигма, апологетом которой с полным правом можно считать и Н. Н. Моисеева, репрезентирует сейчас альтернативный вариант – концепт автотрофности.

Вместо заключения

Глобализация сознания или, выражаясь языком Н. Н. Моисеева, глобализация разума, таким образом, предстает, с одной стороны, как реальная экспоненциальная динамика Коллективного Разума – цефализация ноосферы [12], все более действенное вторжение последнего в процессы самоорганизации ноосферы. С другой стороны, она есть результат, или форма философской рефлексии (в известной степени постулирующей первенство должного над сущим) над трансформацией сознаниевой организации современного человечества, для которой характерен перенос акцента с количественных показателей на качественные трансформации сознания.

Ноосферный рационализм (ноосферная рациональность) – это, по сути, современный рационализм Н. Н. Моисеева, в своей основе имеющий постнеклассическое глобальное сознание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ahmadi N.* Globalization of consciousness and new challenges for international social work // International journal of social welfare. 2003. № 12. P. 14–23.
2. *Ахмади Н.* Глобализация сознания и новые требования к международной социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 39–58.
3. *Веретенников Н.Я.* Глобализация экологического сознания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2-1. С. 11–15.
4. *Коваленко С.В.* Антропологические основы ноосферогенеза. М.: Флинта; Наука, 2005. 288 с.
5. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть человечеству. М.: Ульяновский дом печати, 1999. 288 с.
6. *Моисеев Н.Н.* Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М.: Фирма коммерческой рекламы и научно-технической пропаганды «ИздАТ», 1993. 174 с.
7. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
8. *Рассказов Л.Д.* Кризисное сознание в контексте глобализационных процессов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 179 с.
9. *Смирнов Г.С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 74–92.
10. *Смирнов Г.С.* Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. Вып. 1. С. 20–32.
11. *Смирнов Г.С.* Философия как образ глобального сознания // Ноосферные исследования. 2015. Вып. 1-2 (9-10). С. 39–54.
12. *Смирнов Г.С.* Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 2. С. 17–30.

13. *Смирнов Д.Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсальную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.

14. *Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.* Философия и семиотика ноосферной идентичности: религиозный аспект (общее и особенное) // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 2 (4). С. 84–95.

15. *Юлдашева Ф.Х.* Культурная глобализация и ее влияние на сознание человека // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 3. С. 116–120.